

Лариса Розвадовская

Из наблюдений над речевыми средствами полемики в языке В. И. Ленина

Studia Rossica Posnaniensia 2, 127-132

1971

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛАРИСА РОЗВАДОВСКАЯ
Харьков

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЧЕВЫМИ СРЕДСТВАМИ ПОЛЕМИКИ В ЯЗЫКЕ В. И. ЛЕНИНА

Одним из тончайших приемов полемики является разоблачение и дискредитация отрицаемого с помощью иронии. Под пером В. И. Ленина, полемический дар, которого общеизвестен, ирония универсальное и безошибочно разящее оружие. Обращает на себя внимание многообразие, органичность, мы сказали бы даже, неистощимая и веселая энергия средств выражения иронии в языке В. И. Ленина. Интереснейшим в этом отношении является произведение *Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?*, написанное в 1894 году как полемический ответ на статьи „Русского богатства“ и других народнических журналов, искажавших марксизм и клеветавших на марксистов¹.

Речевые средства выражения иронии в известной степени традиционны, но возможность их обновления практически безгранична, ибо все слова и все формы языка в условиях контекста, ассоциативно или интонационно могут выражать „скрытую насмешку“.

В языке произведения *Что такое „друзья народа“* речевые средства выражения иронии так многочисленны, так тесно слиты и так естественно „возникают“ в потоке повествования, что строгое вычленение и классификация их весьма затруднительны. Объединенные на семантико-стилистической основе, они образуют несколько крупных рубрик, в границах которых неизбежными оказываются более мелкие членения.

1. Речевые средства, способствующие нарочитой преувеличенности похвал — ироническая игра в почтительность и восхищение (старый и верный способ насмешливой дискредитации): „О преумудрый субъективный социолог!!!“, „почтеннейший г. Михайловский“, „достопочтенный критик“ — „несдержанно-почтительно“ называет В. И. Ленин Н. Михайловского, автора

¹ В статье использованы факты первого выпуска работы В. И. Ленина *Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?*. Примеры цитируются по четвертому изданию *Собрания сочинений В. И. Ленина* (т. I, стр. 111 - 186).

возмутительных по научной недобросовестности статей, клеветавших на марксизм и марксистов. „Какое глубокомыслие!“, „Удивительное остроумие!“, „... это в своем роде перл!“ и т.д.

Нам представляется не случайным то обстоятельство, что „похвалы“ эти обильно оснащены традиционно-книжной (с оттенком устарелости) лексикой и что указание на высокую степень качества составляет их семантический лейтмотив (премудрый, почтеннейший, достопочтенный, перл). Стилистическая универсальность речевых средств этого плана, их удивительная способность и возвышать, и низводить до жалкого и смешного, их явная смещенность в категорию негативно-оценочную широко используются В. И. Лениным в целях иронических (сравним приведенные примеры с формами „тирада“ и „изрекает“, которыми постоянно сопровождаются цитаты из Н. Михайловского).

2. Ироническое переосмысление слов с устойчивыми оценочными значениями — блестящая и опасная для идейных противников В. И. Ленина ироническая игра негативными подтекстами.

Смелый, доблестный, рыцарь — пишет В. И. Ленин об Н. Михайловском, не снисходившем до элементарной научной порядочности; изложив наивную и странную концепцию Н. Михайловского по поводу русского пролетариата (стр. 178), В. И. Ленин пишет: „Надо иметь большое мужество, чтобы заявлять во всеуслышание такие вещи. И г. Михайловский обладает этим мужеством“. Объяснив сущность многочисленных перевираний Маркса, допускаемых Н. Михайловским, В. И. Ленин иронически замечает: „... какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский“; открытую Н. Михайловским „научную Америку“, гласящую, что „наследство невозможно без детопроизводства“, В. И. Ленин с веселой серьезностью называет „обогатившей нас глубокой истной.“ Анализ примеров (их количество можно было бы значительно увеличить) показывает, что негативные семантические трансформации, к которым прибегает В. И. Ленин, основаны на безошибочно избранном лексическом материале. Ибо, чем устойчивее, однозначнее и традиционнее оценочное значение слова (смелый, доблестный, рыцарь, мужество и т.д.), тем резче проступают те специальные новые функции, которые слово получает в ироническом контексте.

Очень любопытно замечание В. И. Ленина, в котором насмешливо учитываются различные оттенки значения глагола *додуматься* („самостоятельно решить“ и ироническое „с трудом сообразить“): „Может быть, [...] он (Н. Михайловский!) самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?“. В ряде случаев, следуя щедринской традиции, Ленин-полемист сталкивает в границах словосочетания слова несовместимых оценочных значений, результатом чего являются глубоко ироничные характеристики, после которых не остается даже иллюзий: „остроумный филистер“, „настоящая, многотомная, университетская и филистерская наука“.

3. Речевые средства эмоционально-экспрессивного плана, проникнутые „житейскими” мотивами — тонко рассчитанная ироническая фамильярность в изложении псевдонаучных концепций, с помощью которой обнаруживается их несостоятельность:

а) иронические, не в тоне научной публицистики, обиходно-разговорные обращения к читателю („Можете ли себе представить...”, „... изволите ли видеть ...”);

б) ассоциативно точные, „картинные” метафоры, окрашенные весьма „не книжно”, специфичные для обиходно-разговорной речи („критик замазывает сущность дела”, „философ кипятится”, „хроникер размазывает”, „Михайловский подсовывает Марксу”);

в) ироническая апелляция к объектам, не имеющим отношения к сфере философских диспутов и научной полемики („в чем состояли [...] эти теории? В чисто априорных [...] построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т.п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского)”);

г) выражение иронического сомнения в справедливости чужой доктрины с помощью вводных слов и словосочетаний устно-разговорного плана: дескать, видите ли, что ли и т.д.: („История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство” (стр. 187). Близок к перечисленным и пример с пренебрежительным „какие-то там”, произнесенным В. И. Лениным „от имени” Н. Михайловского и обнаруживающим непонимание последним важнейших понятий марксистской философии: „этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не *какие-то там* общественные формации...” (стр. 119).

д) общенародная и книжная фразеология, громадный иронический потенциал, которой реализуется В. И. Лениным то в произвольных импровизациях на тему фразеологизма, то в конструктивно безупречных, лукаво-насмешливых замечаниях, в которых фразеологизм и есть „изюмина”, сгусток иронии: „Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, — так и сел в лужу. И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой не особенно чистой позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью”; „Ну, конечно! Жуковский в 1877 году не имел нравственного права обходить вопрос, а г. Михайловский в 1894 г. имеет такое нравственное право! Может быть — *quod licet Iovi, non licet bovi!*!”

4. Ироническое прерывание повествования, ведущегося в формах несобственной прямой речи, с помощью многоточия, символизирующего насмешливую паузу, за которой следует пародийно упрощенное изложение отрицаемой мысли: „Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных уклонениях от „желательного”, о „дефектах”, случавшихся в истории

вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, чего требует человеческая природа...” (стр. 119).

5. Нанизывание риторических вопросов, прозрачная ирония которых усиливается нарочитой их прямолинейностью: „Итак, в России нет внутренних противоречий? нет эксплуатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц?” (стр. 178).

6. Насмешливое, настойчивое повторение чужого термина, в результате чего возникает ощущение назойливости, бессодержательности и бескрылости доктрины, логическим центром которой является данный термин: „... они — пишет В. И. Ленин о старых экономистах и социологах — толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т.п.” (стр. 119).

7. Остро ироничен прием повторения словосочетания, утверждающего наличие некоей ситуации, в границах большого контекста, своеобразный лейтмотив контекста, все углубляющий ироническую характеристику объекта: „Он читал *Коммунистический манифест* — пишет В. И. Ленин об Н. Михайловском — и не заметил, что объяснение современных порядков дается там материалистическое...”. И оттого, что далее ситуация повторяется („Он читал *Ницету философии* и не заметил...”, „Он читал *Капитал* и не заметил...”), насмешливое разоблачение „г. Михайловского” становится убедительным и глубоким.

8. Отметим, наконец, прием, к которому В. И. Ленин прибегает постоянно и который условно может быть назван приемом иронического цитирования. Удары, наносимые противнику его собственным оружием, всегда тяжелы, — наносимые же по-ленински изобретательно и энергично они становятся роковыми.

Чаще других в языке Ленина — полемиста повторяются следующие варианты иронического цитирования:

а) из цитаты „изымается” слово, словосочетание, термин, нечто важное для идейного противника В. И. Ленина и переносится в контекст, лишь формально близкий цитируемому, отчего и утрачивает научность, иногда даже элементарный смысл: „... г. Михайловский... делает вывод о том, что материализм „не оправдал себя”. Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя!” (стр. 145); „... г. Михайловский... глубокомысленно добавляет: „я должен откровенно признаться, что не совсем ясно представляю себе ответ Энгельса”. Но зато мы должны откровенно признаться, г. Михайловский, что совсем ясно представляем себе дух и приемы такой „критики”!” (стр. 168);

б) чужой текст сопровождается насмешливым комментарием, заключенным в скобки. В составе этого будто бы между делом произнесенного комментария фигурируют и чужие термины, смещенные в восклицательную тональность, и преувеличенные похвалы, и разного рода обращения и призывы

к читателю, целью которых является привлечение внимания к деталям, наиболее двусмысленным и спорным: „В наследство передаются — цитирует В. И. Ленин Н. Михайловского — продукты экономического производства”. И в скобках восклицает:” („Продукты экономического производства”!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!”); „... а во-вторых, ... если институт наследства немислим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немислим и без продуктов „детопроизводства”, — без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает.” (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика „примыкает” к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!)” (стр. 135).

Очень интересно следующее замечание в скобках, которым насмешливо и чуть фамильярно прерывается „умная” цитата из Н. Михайловского в ее логическом и структурном центре: „В *Капитале* есть блестящие страницы исторического содержания, но (это замечательное «но»! Это даже не «но», а то знаменитое „mais”, которое в переводе на русский язык значит «уши выше лба не растут») (стр. 132).

в) „чужая” мысль дискредитируется с помощью различных попутных замечаний, вводимых в цитату и имеющих в своем составе слова с устойчиво или контекстуально отрицательным оценочным значением: „Сколько я понимаю — *наивничает* г. Михайловский — русские марксисты могут быть разделены на три разряда...”; „Может быть — *острит* он с легкостью светского пшюта — это и не настоящие марксисты, но они считают и объявляют себя таковыми”; „Что касается родовых связей — продолжает он *исправлять* марксизм — то они побледили в истории цивилизованных народов...” (стр. 136).

Таким образом, наблюдения над речевыми средствами выражения иронии в языке В. И. Ленина, даже ограниченные материалом одного произведения, свидетельствуют о глубоком и чутком знании языка, его стилистических и экспрессивных возможностей, о высоком мастерстве В. И. Ленина-полемиста, творческом и активном использовании традиционно-книжных и общенародных форм речи.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION IN V. LENIN'S POLEMICS

by

LARISA ROZWADOWSKAJA

Summary

The article deals with means of expressing irony in the work *What are "Friends of the People" and how they Struggle against Social Democrats*.

Although these means are to a great extent traditional, the possibilities of their application are practically unlimited since all the existing words and linguistic forms give possibilities of expressing "hidden irony" directly or by association.

The multiple and manifold linguistic means expressing irony in the work *What are "Friends of the People"...* are of organic character. They are bound together into one entity on a semantic and stylistic basis. They form several vast groups. A more detailed classification is needed within the groups.

Linguistic means expressing irony in the language of V. Lenin's political journalism analysed even on the material of a single text proves the high level of his political journalism.